

«Предложили учинить расправу над Ходорковским»

Двое сотрудников правоохранительной системы организовали покушение на Михаила Ходорковского в 2006 году, утверждает бывший сокамерник экс-главы ЮКОСа. Боясь расправы, он называет имена и должности сотрудников ФСИН, участвовавших в фабрикации дела против Ходорковского.

Спустя неделю после опубликования интервью бывшего сокамерника Михаила Ходорковского Александра Кучмы («Я резал Ходорковского не по своей воле», «Газета.Ru», 16 мая) бывший зэк вновь позвонил в редакцию: один из федеральных телеканалов, заплатив Кучме определенную сумму денег, снял его десятиминутное интервью. Там бывший краснокаменский сиделец с датами и именами рассказал, как его заставили напасть на Ходорковского, а потом выступить его очернителем.

Сюжет из программы вырезали, Кучме сотрудник телеканала сказал, что интервью вызвало переполох и отсматривалось генеральным директором. Ясности с будущим этого сюжета нет, «Газете.Ru» телевизионщики сообщили, что выход скандального разговора еще возможен (ввиду этого наименование телеканала здесь не приводится).

«После того как эфир сняли, я решил все рассказать вам быстрее, пока меня не грохнули. Зачем я кому нужен, если я уже все рассказал?» — объяснил мотивы своего звонка Кучма.

«Газета.Ru» публикует подробный рассказ экс-заключенного об обстоятельствах случившегося в Краснокаменной колонии и позже, во время судебного преследования Ходорковского. В рассказе упомянуто несколько эпизодов, имеющих признаки должностных и общеуголовных преступлений сотрудников системы исполнения наказания, а также неустановленных лиц. Исходя из принципа презумпции невиновности, редакция не публикует здесь полные имена упоминаемых рассказчиком сотрудников, а также в нескольких эпизодах изменяет наименование их должностей. Проведенная редакцией проверка показала, что все упомянутые Кучмой люди либо несли, либо до сих пор несут службу в системе ФСИН. Все эти данные есть в распоряжении «Газеты.Ru», и в случае проведения следственной проверки по изложенным фактам редакция готова их предоставить.

В любых комментариях по показаниям Кучмы ФСИН редакции отказала.

Данное интервью редакция в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса просит рассматривать как заявление о совершении преступления.

— **Боишься?**

— Да. Мне уже поступали звонки с угрозами. Это уже после первого интервью (в «Газете.Ru») было.

— **Для чего тебе все это? Ты ж борцом за правду не был вроде никогда.**

— Сами понимаете, они меня грязью облили, использовали меня, и мне хочется, чтобы люди понесли за это наказание.

— **Ты в это веришь, что ли?**

— Да не очень. Но хотя бы пусть люди знают правду, пусть засветятся имена этих генералов.

— **«Говорили, что должен взять нож и ударить его в глаз»**

— **Рассказывай: как началась история с твоим нападением на Михаила Ходорковского?**

— Мы сидели, пили чай в неустановленном месте, за чем нас застукали сотрудники администрации. Ходорковский спросил меня, видели ли вы пьющими здесь чай других людей, например сотрудников колонии?

Я говорю: да, видел оперов. Они там пьют чай или кофе, когда вызывают эков на беседу. Чай им дневальный в основном варит. Он говорит: подтвердите это в объяснительной? Я согласился, не имея никакой задней мысли, что это может быть плохо для меня.

В 6 утра на следующий день, как нам и было указано, мы пришли и написали объяснительные по своему «проступку». Я написал, что пил чай в том месте, где для этого стоит чайник и где неоднократно видел сотрудников администрации пьющими чай. Потом нас вызвали на административную комиссию и дали по 6 суток ШИЗО. Сидели в одной камере, нормально сидели, никаких конфликтов. Общались через блокнот. У него был карандаш и стирательная резинка. Переписывались так.

— Не говорили?

— Он сильно переживал, что могут записывать. Признавался, что и с адвокатами именно так общается.

Вышли из ШИЗО в отряд. Меня вызвали сотрудники администрации. Говорят: «Пойдем, там люди к тебе какие-то приехали». Люди в штатском. Увели меня в штаб, в кабинет.

— Что за кабинет?

— Это оперкабинет. В них обычно опера разговоры с эками проводят.

Зашел. Мне сразу вопрос: «Ты что пишешь такую ерунду в объяснительной?! Совсем, что ли, оборзел?!» И сразу удар по голове. Побили немного.

Начали предлагать учинить расправу над Ходорковским за то, что он якобы подвел меня под ШИЗО. Говорили, что должен взять нож и ударить его в глаз, чтобы, типа, выткнуть глаз. План был такой, что нужно напасть на спящего. Я им говорю: «Вы что гоните, ребята? Он же помрет. Ни хрена себе, такой ножик в глаз воткнуть!»

Первый раз я не согласился, вызвали во второй раз, опять побили. Сказали, что я уже все знаю и, если не соглашусь, меня повесят в штрафном изоляторе и скажут, что сам повесился. Во второй раз они убедили меня, что убьют, если не соглашусь. Я сделал вид, что согласился.

— Откуда нож?

— Они мне и дали этот нож.

— Что про этих людей знаешь?

— Они даже имена не называли, двое в штатском.

— Раньше ты их в зоне видел?

— Нет. Среди сотрудников администрации я их раньше не видел. Может, из ФСИНа в Москве, может с УФСИНа края, может из ФСБ вообще.

— Они друг друга как-то называли?

— Вообще не называли. Видимо, специально, чтобы я не знал, кто они такие.

— Дату разговора помнишь?

— 24 марта я вышел из ШИЗО. 25—26 марта был этот разговор.

— Как эти люди объяснили необходимость того, чтобы ты порезал Ходорковского?

— Они не говорили убить, но я сам понял, что они имеют в виду. Они сказали, что мне не добавят срок за это, что я буду жить спокойно. Что это серьезные люди из Москвы, что правительство защитит, очень большие люди, в таком роде они говорили.

— Почему именно в глаз?

— Не знаю, такая беседа была напряженная, мне постоянно удары доставались, и я как-то сильно не спрашивал. Не то что не помню, но не очень приятные воспоминания у меня от этих бесед.

— А какой мотив у твоего нападения должен был быть?

— Повод был ШИЗО и то, что Ходорковский попросил меня написать объяснительную.

— У тебя есть предположение, почему именно тебя они стали использовать? До этого администрация тебя как-то использовала?

— Нет, никогда. Я с порядочными арестантами сидел, никто меня никуда не вызывал. И я такой образ жизни вел, что в камере постоянно хулиганские драки возникали, у меня никогда таких проблем не возникало. Я не такой человек, который с администрацией контактит.

«Несколько раз ходил ночью в комнату психологической разгрузки»

— Как произошло нападение?

— В первую ночь я струсил что-то делать. Ждал, ждал, а потом уснул.

На следующий день меня вызвали, отдубасили, козлы. «Ты что?! — кричат. — С нами шутки тут будешь шутить?» Говорю: ладно, в эту ночь обязательно сделаю.

И я решил просто поцарапать ему нос, нанести небольшую травму. Понятно было, что шум поднимется, начальство, адвокаты, журналисты сбегутся. Я надеялся, что из-за шумихи эти ребята отстанут от меня.

Долго ждал. Несколько раз ходил ночью в комнату психологической разгрузки, настраивал себя — как подойти, как ударить.

— А отбой?

— Во время обходов я ложился — типа, сплю под одеялом. Ждал, ждал. Все уснули. И около 4 часов утра я подошел к нему и ткнул ножиком в нос. Он никакого звука даже не издал.

Я сразу развернулся и пошел в телевизионную комнату, там телек и лавочки, дверь со стеклом такая была. Ножик, который мне дали, я положил там на подоконник. Он весь в крови был.

И смотрю через стекло: Ходорковский прошел в умывальник, в трусах, с окровавленным лицом.

Я пошел в соседний отряд и уже через окно наблюдал, что у нас происходит. Прибежали сотрудники, начали искать. Потом зашли в соседний отряд, я сразу вышел. Они сами перепуганные, два молодых сержантика. Кричат: «Стоять! Фамилия?!» Я говорю: «Кучма». «Вот ты-то нам и нужен», — отвечают. Повели и по ходу спрашивают: «А ты почему не в своем отряде?» Я говорю: «Это я сделал». Они: «Что сделал?» Я: «Ударил Ходорковского ножом». Они как будто не понимали, шокированы были, все спрашивали «зачем», но им я ничего не стал говорить. Привели в дежурную часть, там дежурный офицер мне говорит: «Ну почему ты сделал это именно в мою смену?!» Я говорю: «Я смену уж не выбирал, извините».

Минут через 15, где-то в шестом часу утра, прибежали один из руководителей колонии Р., все опера, замы начальника. И давай меня заставлять объяснительные писать, всякую чушь.

Одну о том, что Ходорковский мне денег задолжал! И из-за этого я, дескать, ударил его ножом. Вторую объяснительную о том, что я хотел съехать на другую зону и потому ударил его ножом. Третью — о том, что едва ли не блатные меня заставили его ударить.

— Среди этих людей были те, кто знал о реальных причинах поступка?

— Тех людей в штатском там не было, они позже возникли. Но начальник колонии был в курсе. По его виду это заметно было. Без его ведома вообще никакие люди в зону бы не вошли.

В итоге меня отвели в ШИЗО, посадили в камеру. А уже утром опять эти двое ребят в штатском пришли. Опять избили, сказали: «Ты что, чмошник, не сделал, что просили?!» Я извинился, сказал, что промахнулся, так как ночью ничего не видно было. Побили меня немного.

— Когда родилась версия с домогательствами?

— Первое видео о домогательстве снимали, когда я сидел в ШИЗО в ИК-10 (колония в Краснокаменске. — «Газета.Ру»). Пришел Р. и какой-то незнакомый человек в пятнистой форме. Любительскую камеру поставили.

Заставляли меня перед камерой рассказывать, как будто Ходорковский меня домогался и как я за это ударил его ножом. Я был сломлен избиениями и уже на все соглашался.

Несколько раз записывали. Смотрели, какая запись получалась лучше.

— **Показания просто заставили заучить?**

— Да. Дескать, ночью приставал, и я ударил. Похожий бред они потом в исковом заявлении придумали.

— **Они могли версию домогательств хоть чем-то имеющим к реальности подтвердить?**

— Да нет, конечно!

«Моюсь в бане, заходят два человека в форме и начинают палкой меня дубасить»

— **Ты за все время жаловаться на эти факты не пытался?**

— Я даже не отсидел 10 суток в ШИЗО, как меня вывезли одного в СИЗО Читы. После этого этапировали на «тройку» (ИК-3) в Чите. Поместили в ЕПКТ (единое помещение камерного типа, «одиночка». — «Газета.Ru»). Пока там сидел, мне блатные постоянно угрожали, «жути» всякие гнали: зарежут, потому что из-за меня краснокаменная зона от администрации пострадала.

Когда я вышел из одиночки в зону, я с ножом в руке спал. Для меня это адом просто было. В той зоне тогда вообще беспредел был: то кому-нибудь руки-ноги арматурой поломают, то кого-нибудь проткнут ножом. И как раз тут один такой спровоцировал конфликт. Я ему нанес рану еще меньше, чем Ходорковскому. Просто надеялся, что меня от зоны в одиночке закроют или вывезут даже на более серьезный режим.

Мне дали год ЕПКТ и вывезли в ИК-5, там же, в Чите. Там строгий режим. Сидел я там год и стал писать жалобы.

Я слышал, что с «пятерки» жалобы уходят, и решил тоже написать.

— **О каких фактах сообщил?**

— Написал, что меня заставили клеветать на Ходорковского рассказом про домогательства. Я понимал, что я с ЕПКТ в зону приду — и как мне перед зеками оправдываться за какие-то там домогательства?

— **Не писал, что тебя заставили напасть на Ходорковского?**

— Ну нет.

— **Куда писал?**

— В прокуратуру края.

— **Жалобы действовали?**

— Они даже не ушли, как оказалось. Сначала ко мне приехал один из руководителей УФСИН Забайкалья полковник М. со спецназом. Все ЕПКТ перевернули, спросили: жалобы или вопросы есть? Я говорю, что нет. На следующий день приехал еще один начальник УФСИН края А. Тоже спросил, есть ли жалобы. Я говорю, вот, мол, жалоба, что меня выставили в истории с домогательством, как я теперь в зону вернусь. Он сказал: приедешь в зону, с тобой разберутся.

— **Как ты понял, что жалобам ход не дали?**

— Я узнал это от А. Я просто лоханулся. Слышал, что парни писали — кого плохо кормят, кого незаконно в ШИЗО посадили. Думал, что все жалобы с «пятерки» уходят, и подставил себя. Рискнул на свою голову.

— **Администрация ИК их должна пересылать в прокуратуру?**

— Да.

Как А. обещал, так и случилось. Я отсидел год ЕПКТ, вернулся на ИК-3.

Спустя примерно два месяца, за день до рождества, 6 января, моюсь в бане, тут заходят два человека в

форме и начинают какой-то палкой меня дубасить. Я как рукой защищался, так они весь сустав и раздробили.

— Кто они?

— Ну сотрудники! В зоне я их не видел. Но, понимаете, в зоне их сотни работает и не все из них в жилой зоне появляются, многие где-то там, в штабе, в оперчасти, на поселении.

— Форма, звания?

— Форма, без званий. Зеленая форма, как у ФСИН тогда была. Это сейчас они синего цвета.

— Тебе в этот момент руку покалечили?

— Да. Увезли меня на ИК-5, там облбольница для эков. Мне врачи сразу сказали, что перелом сложный, внутрисуставный, мелкооскольчатый, смещение большое, не собрать. Говорят, у нас мало оборудования. Ну, понимаете, в зоне аппендицит только могут вырезать.

В первых числах февраля я вернулся в зону, 21 февраля меня вызвали из санчасти в клуб. Я говорю: «Зачем?» Отвечает: «Сейчас узнаешь». У меня уже мурашки по спине. Там суд заседал, он решил перевести меня в тюрьму. Я тогда не понимал, что это, и говорю: «Да я вроде и так в тюрьме!» Они говорят: «Нет, тебя переводят на тюремный режим, как злостного нарушителя». Я потом еще кассацию написал, чтобы перевод оттянуть до того времени, пока рука не подживет.

26 июня меня этапировали во Владимир. 18 дней этап длился.

«Просто им надо, чтобы информация такая прошла о Ходорковском»

— Почему из Читы и во Владимир?

— Думаю, поближе к Москве. У них были свои планы. Потому что всех наших читинских везут на тюрьму в Минусинск, Красноярский край. Я никого читинских за три года во Владимире не видел и не слышал.

Посадили в такую камеру, что я удивился. Там холодильник, телевизор, как она... плейстейшн... Захожу, там быки такие здоровые сидят, в компьютер играют. Даже двери в камере на замок не закрывали.

Посидел в камере, нормально вроде ко мне относились. Месяц всего просидел, и тут началось. 6 августа.

Сперва меня вызвали с работы на беседу к психологу. Думаю, что это психолог про меня вспомнил. А психолог говорит: из Москвы тобой интересуются. Я говорю: откуда — суд или какая-то инстанция непонятная? А они сами толком ничего не знают, им позвонили сверху просто. Они тестирование провели, вопросы-ответы.

— О чем?

— Дурацкие вопросы. Как обычно психологи тестируют эков. Может быть, 500 вопросов — и галочки ставишь: «да» и «нет». И от психолога за мной пришёл опер, забрал меня «побеседовать». Опер спросил сразу: понял, зачем я тебя вызвал? Я говорю: ну, примерно. Он спросил у меня про Ходорковского, что да как. Я толком не стал рассказывать, побоялся, думаю — ну их на фиг. Может, это специально подстава, потом меня вызовут те же люди, скажут, что я лишнего рассказываю. Меня увели обратно на работу в пять часов вечера.

И выяснилось, что приехал ко мне Сергей Л. Как он представился, генерал-майор ФСИН. Все менты на измене были, шептались. Мне, правда, показалось, что молод он для генерала. В районе сорока где-то лет. Я его однажды издали в форме видел, кажется, у него одна звезда на погоне была, так что, может, и майор (действующий сотрудник системы ФСИН с теми же именем, отчеством и фамилией носит звание подполковника — «Газета.Ру»).

Вызвал он меня на беседу сразу, как закончилась работа в тот день.

— Где разговаривали?

— В кабинете оперативников централа. В коридоре стоял начальник централа и его зам. Вообще, смотрю — начальства целая толпа. Думаю, неспроста меня вызвали.

Л. мне начал говорить насчёт домогательств, говорил, что надо бы ещё заснять мои показания. Я отказался:

говору, отстаньте от меня, там же есть заснятое у них в ноутбуке. У него действительно был ноутбук с собой и диск с записями, которые еще в Краснокаменске делали. Он говорит: ты, мол, подумай. Я говорю, что не буду думать. Увели в камеру, из камеры опять вызывают: ну что, ты подумал? Я отказался.

Они говорят: у тебя возникнут проблемы с сокамерниками. У меня сразу мысль о «пресс-хате», почему, думаю, меня в такую камеру посадили. Обратно в камеру вернулся, и меня сокамерники начали убеждать, что стоит сказать то, что нужно. Пригрозили и сказали, что всё равно меня заставят. Я уже несколько раз побывал в «пресс-хате» и понял, что этот генерал не шутит. Короче, я решил опять сказать на камеру то же самое.

Это происходило прямо в кабинете у опера, камеру на подставку поставили, маленькая такая любительская камера и фонарь какой-то. Мне просто сказали: скажи, что ты его порезал за то, что он тебя домогался. Я сказал кратко, они записали и уехали.

— Должность Л. в системе ФСИН знаешь?

— Говорили — главный кум. Не знаю, может, он начальник какой-то оперативной службы.

Потом приехал подполковник Д., один из руководителей УФСИН Владимирской области. Он сообщил, что из Москвы сказали, чтобы я писал в районный суд заявление, что Ходорковский, такой-сякой, не заслуживает условно-досрочного освобождения. Я написал бред корявым почерком, мне даже стыдно перед судьей, что от меня такие заявления приходили. У них мозгов нет, они бы хоть факты сопоставляли какие-то.

— В какой суд писал заявление?

— В Ингодинский, в Чите.

Потом опять Д. приехал. Всегда, кстати, за руку здоровается, располагает, видимо, к себе таким образом. И говорит он мне: 16 августа у тебя самолёт в Читу, готовься, страну увидишь, прокатишься. 15 августа меня увели в одиночку, там я сутки просидел. В 11 утра на следующий день за мной приехали: посадили одного в автозак и повезли в Москву. Меня сопровождали 13 человек, спецназовцы с автоматами. Я один ехал в автозаке, а они — в «Газели».

Я знаю, что на МКАДе нас встретили «москвичи», тоже на машине, и проводили во Внуково. Там меня в наручниках посадили в линейный отдел милиции и унесли документы на регистрацию. Они тут же говорили, что на билеты потратили, типа, 150 тысяч рублей только в Читу. Ну, на меня и на трех конвойных.

Увезли меня на Ту-154 «Якутских авиалиний». В Чите через 6 часов приземлились, опять в автозак.

Только завезли в СИЗО, на территории я сразу увидел генерала Л. и М., одного из руководителей местного УФСИН. Они встречают меня, и я понял, в чём дело.

Мою сумку обыскивал лично начальник СИЗО, подполковник, с металлоискателем! Обычно это делают рядовые сержанты, а тут начальник СИЗО мои вещи лично осматривает. Посадили меня в «пресс-хату» в спецблоке. Там два «быка» сидели, под давлением меня держали, готовили к суду.

Затем привозили туда журналистов, чтобы я рассказал про эти домогательства. Мне сразу сказали, что это «их люди», чтобы я не говорил лишнего.

Потом они начали исковые заявления мутить. Много мне бумаг подавали, я толком уже не разбирал... Подписывал много всяких бумажек, доверенность подписывал какую-то.

— Ты подписал доверенность на представление твоих интересов в суде некой сотрудницей ФСИН Андреевой.

— Да, на Андрееву. Я еще подумал, не мать ли это моего одноклассника.

— Но ты понимал, что это иски к Ходорковскому?

— Да, я начал понимать, когда мне сотрудник один сказал, что меня показывали по телевизору. Я понимал, что они мутят домогательство. Сам Сергей Л. этот мне сказал.

Когда Л. уезжал, к нему из Москвы приехал еще один, на замену. Его звали Ю. Г., он полковником представлялся, в гражданской одежде всегда был.

— **Фамилию знаешь?**

— Нет, фамилию он не сказал. Я и фамилию Сергея Л. узнал не от него самого, а от тех сотрудников, которых он ко мне посылал во Владимире. Они проболтались.

— **Ты в суде участвовал?**

— Нет, затем меня увезли оттуда.

— **Почему?**

— Ну все, они отработали, что им надо было. 19 октября меня посадили на самолет: в 5 утра пришли, разбудили, сказали одеваться и собирать вещи.

Пришел этот Ю. Г., сказал, что полетим в Москву. Я спрашиваю: в Москве я в СИЗО где-то буду или меня через Москву во Владимир? А он говорит: «Пока в Москву, а там видно будет».

Самолет был Боинг-757 «Якутских авиалиний». В Москве, во Внуково, нас встретили и привезли в спецсизо ФСИН «Матросская Тишина». Есть старая тюрьма «Матросская Тишина», и на ее территории есть отдельный корпус — это специзолятор ФСИН, у него даже адрес другой: улица Матросская Тишина, 18 А.

Посадили меня в 602-ю камеру на пятом этаже. Камера была трехместная, но меня одного посадили. Потом выдали мне телевизор — и все, я сидел, телевизор смотрел. Потом пришел начальник СИЗО Прокопенко Иван Павлович, спрашивал, как сидится, что надо. Опера вызывали меня...

— **Тебе объяснили, зачем тебя привезли в «Матросскую Тишину»?**

— Нет, но я думал, с этими же исковыми заявлениями. Потом опять пришел Л., вызвал меня, я опять подписал какие-то заявления, и все, больше его не было. 9—10 декабря, не помню точно, ко мне также подошли, предупредили, что сегодня я еду на этап. И все — вернули меня во Владимир. Спецэтапом, одного, в столыпинском вагоне.

— **То есть во всех судах против Ходорковского ты фактически не участвовал, а подписывал бумаги, которые тебе в камеру приносили? Фсиновцы за тебя все делали?**

— Сергей Л. — автор этого иска, он все придумал. И, кстати, про свидетелей хочу рассказать — Бондаренко и Смекалина (зэки с такими фамилиями были привлечены администрацией ИК-10 к процессу как свидетели «недостойного поведения» Ходорковского. — «Газета.Ру»). Бондаренко — это дневальный оперотдела, а Смекалин — бывший завхоз зоны. Это полностью административные лжесвидетели. Это все вранье, фальсификация.

Генерал Л. говорил, что они не надеются выиграть дело о домогательстве, а просто им надо, чтобы информация такая прошла о Ходорковском. И, я так понял с его слов, что с судом они решили тянуть, что с судом у них там какие-то взаимопонимания...

— **Блага ты какие-нибудь получил в итоге за все, что для них сделал? Во Владимире потом хорошо сидел, спокойно?**

— Да, спокойно.

Потом, видимо, этот Сергей Л. начал волноваться, чтобы я никому не рассказал, и он посылал постоянно из УФСИН Владимирской области людей ко мне. В частности, Евгений Б., такой оперативник, капитан.

Он приезжал ко мне часто, спрашивал, как дела, передавал привет от Сергея Л. Я говорил, что нормально. Мне — лишь бы они не беспокоили меня, и все... А потом еще приезжал, кажется, начальник отдела по противодействию организованной преступности при УФСИН Алексей П. Он тоже спрашивал, как дела.

— **Просто приезжали к рядовому зэку и спрашивали, как дела?**

— Да-да, типа, что они готовы мне помочь, в таком роде...

— **А про Ходорковского кто-нибудь из них вспоминал?**

— Нет, они как-то не решались. Может, они Сергея Л. боялись, он для них слишком большой начальник был.

Потом, когда Реймер (Александр Реймер, нынешний руководитель ФСИН. — «Газета.Ру») стал начальником, они исчезли. Больше о себе не напоминали.

Автор: Артур Скальский © Газета.Ру РАССЛЕДОВАНИЯ, РОССИЯ 👁 4830 29.05.2011, 12:23 ↗ 292
URL: <https://babr24.com/?ADE=93869> Bytes: 22847 / 22489 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)